

Александр Бестужев-Марлинский

Кровь за кровь

Александр Бестужев-Марлинский

Кровь за кровь

«Public Domain»

1825

Бестужев-Марлинский А. А.

Кровь за кровь / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain»,
1825

«В последний поход гвардии, будучи на охоте за Нарвою, набрел я по берегу моря на старинный каменный крест; далее в оставленной мельнице увидел жернов, сделанный из надгробного камня с рыцарским гербом... и наконец над оврагом ручья развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился с вопросами к одному из наших капитанов, известному охотнику до исторических былей и старинных небылиц...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Кровь за кровь Рассказ

* * *

В последний поход гвардии, будучи на охоте за Нарвою, набрел я по берегу моря на старинный каменный крест; далее в оставленной мельнице увидел жернов, сделанный из надгробного камня с рыцарским гербом... и наконец над оврагом ручья развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился с вопросами к одному из наших капитанов, известному охотнику до исторических былей и старинных небылиц. Он уже успел разведать подробно об этом замке от пастора, и когда нас собралось человек пяток, то он пересказал нам все, что узнал, как следует ниже.

А. Бестужев

* * *

Этому уж очень давно, стоял здесь замок по имени Эйзен, то есть железный. И по всей правде он был так крепок, что ни в сказке сказать, ни пером написать; все говорили, что ему по шерсти дано имя. Стены так высоки, что поглядеть, так шапка валится, и ни один из лучших стрелков не мог дometнуть стрелой до яблока башни. С одной стороны этот провал служил ему вместо рва, а с другой – тысячи бедных эстонцев целые воспожинки рыли копань кругом, и дорылись они до живых ключей, и так поставили замок, что к нему ни с какой стороны приступу не было. Я уж не говорю о воротах, дубовые половинки усажены были гвоздями, словно подошва русского пешехода; тридевять задвижек с замками запирали их, а уж сколько усачей сторожило там – и толковать нечего. На всяком зубце по железной тычинке, и даже в желобках решетки были вделаны так, что мышь без спросу не подумай пролезть ни туда, ни оттуда. Кажись бы, зачем строить такие крепости, коли жить с соседями в мире?.. Правду сказать, тогдашний мир хуже нынешней войны бывал. Одной рукой в руку, а другой в щеку-да и пошла потеха. А там и прав тот, кому удалось. Однако и рыцари были не промахи. Как строили чужими руками замки, так говорили: это для обороны от чужих, а как выстроили да засели в них, словно в орлиные гнезда, так и вышло, что для грабежа своей земли. Таким-то добытом, владел этим замком барон Бруно фон Эйзен. Был он не из смиренных между своей братьи, даром что и те удальством слыли даже за морем. Бывало, как гаркнет: «На коней, на коней», то все его молодцы взмечутся, как угорелые, и беда тому, кто выедет последним! Коли подпоясал он свой палаш а палаш его, говорят, пуда чуть не в полтора весил, то уж не спрашивай: куда? знай скачи за ним следом, очертя голову. Латы он носил всегда вороненые, как осенняя ночь, и в них заклепан был от каблуков до самого гребня; глядел на свет только сквозь две скважины в наличнике, – и, сказывают, взгляд его был так свиреп и пронзителен, что убивал на кегс ласточек, а коли слышит проезжий его свист на дороге – так за версту сворачивай в сторону, будь хоть епископ, хоть брат магистру. Врагов тогда, бывало, не искать стать, выезжай только за ворота: соседей много, а причин задрать их в ссору еще более. Притом же Нарва в тридцати верстах, а за ней и русское поле... как не взманит оно сердце молодецкое добычей? ведь в чужих руках синица лучше фазана. Вот как наскучит сидеть сиднем за кружкой... так и

кинется он к границам русским – ему не нужно ни мосту, ни броду. Прискакал к утесу – а река рвет и ревет, как лютей зверь. Что ж бы вы думали? «За мной, ребята!» – и бух в воду первый. Кто выплыл – хорошо. Потонул – туда и дорога! Скажет только, бывало, отряхавшись: «Скотина!» – и помин простыл. Да ему с полгоря было так горячиться. Конь служил под ним заморский, мастью вороной – что твоя смоль. В скачке с него зайцев захлопывали. В погоне река – не река, забор – не забор, а в деле – словно сам черт под седлом: и ржет и пашет, зубами ест и подковами бьет. Зато барон любил и холил этого коня: счетным зерном из полы кормил, из своего кубка медом потчевал, и коли надо, случалось, коню сослужить службу трудную, так отскачет полдороги – да фляжку вина ему в глотку. Прочнется тот, встрепетается и опять летит, инда искры с подков сыплют. Ну вот и заедет он далеко в Русь... врасплох... завидел деревню – подавай огня. Вспыхнуло – кидай туда все, что увезти нельзя. Кто противится – резать, кто кричит – того в пламя. Позабывшись, и даром, правду сказать, порубливали встречного и поперечного, ну да это чтоб не разучиться или поучиться, говорил он. Натешась, разгромив, навьючив коней добычей, насажав на седла красавиц и сосворив к стремени пленников, выходили они околицами восвояси... и тут-то уж по дележе начиналась гульба и пированье. Хоть в пятницу – праздник, и в ночь не дрема. Целую неделю разливное море, и песни, и шум. Конечно, не всегда удавалось нашему молодцу нападать нечаянно на русских. Нередко выпроваживали незваного гостя вон по зашейку, да он огрызался себе, как волк, и цел и невредим выходил из побоища, потому что не всякий совался вблизи к его латам, и никакая стрела не брала его панциря. Ходила молва, будто латы его заговорены были – оно и статочное дело – барон много лет возился с египетскими чародеями, когда за господень гроб рыцари ездили на край света подраться между собою. Как бы то ни было, кроме ушибов, он не получил ни одной раны, между тем как удары палаша его можно было лечить не рецептами, а панихидами. В таких отчаянных набегах, разумеется, шайка его редела, однако хоть все знали про опасности, про крутой нрав барона – разгульная жизнь и охота к добыче, как магнитом, тянула бродяг к нему в службу. Обокрал ли, прогневил какой слуга или оруженосец соседа рыцаря – сейчас давай тягу в Эйзен. Под гербом барона скрыто и забыто было все прежнее, зато уж в деле не зевай у него. Чуть струсил, чуть оплошал, глядишь, и качается дружок вместо фонаря с пеньковым галстуком от простуды! Да и что за народ у него собран был, так волосы дыбом становятся: каждый сорвиголова. В огонь и в воду готовы на голос Бруно... так и смотрят в глаза ему – лишь мигнул и все вверх дном полетело. В буянстве самый закоренелый драгун показался бы перед ними красною девушкою, и двенадцать киевских ведьм вместе не выдумали бы таких проклятий, какие отпускали они за одною чашею брантвейна. Страшные, оборванные, однако при шпаге и железный картуз набекрень, разгуливали они по хижинам эстонцев, поколачивали их для препровождения времени, ласкали их дочек и брали контрибуцию с жен, чем Бог послал.

Теперь стали экономничать лифляндские помещики, запирают счетный кусок на ключ и желудок сажать на диету. В старину, сами знаете, то ли было? Круглый год масленица, жареные гуси стадами слетались к обеду, и без Helige Nacht (Рождество Христово) телята и бараны на четырех ногах ходили по столу и умильно подставляли охотникам свои котлеты. Ветреного бутерброда тогда не было и в заводе, а травкой-муравкой кормили только слуг. Само собой разумеется, что основательных напитков тогда не жалели, а как пили они – так вы, право, подумали бы, что у них муравленая утроба! Ведро пива на ухо – и ни в глазе. Вот подопьет, бывало, барон с соседями да и расходится индюком... я ли не я ль? По плечу себе никого не приберет, он-то всех храбрее, он-то всех благороднее! А чуть-чуть кто покосился, он и в ссору да в брань, а там долго ли до железа! Кончится, бывало, тем, что гость приедет верхом, а вынесут его на носилках; еще за милость, коли без уха или без носу, а то часто навеки от зубной боли вылеживался. Этого мало: разгневался на соседа – на конь со своей дворней и псарней, и пошел топтать чужие нивы, палить чужие леса. Упаси Боже повстречать его в такой черный час. Завидел эстонца и скачет к нему с поднятым тесачищем. Читай «Верую во Единого», бездельник!

а тот и обомлеет на коленях, ведь по-немецки ни слова. «Эймойста!» («Не понимаю!») Читай, говорю!.. «Эймойста...» А, так ты упрям в своем язычестве, животное!.. Я же тебя окрещу! бац! – и голова бедняги прыгала по земле кегельным шаром, а барон с хохотом скакал далее, проговоря «Absolvo le!», т. е. разрешаю тебя. Затем, что они, как духовные рыцари, могли вместе губить тело и спасать душу. Таково было чужим, – каково же своим-то было? Понравился конь у крестьянина: «Пергала! меняй свою лошадь на мою кривую собачку!» – «Батюшка барин, мое ли дело охотиться – а без коня куда я гожусь!» – «На виселицу, бездельник! Ты должен быть доволен тем, что я позволю тебе усыновить от нее щенков и что жена твоя будет выкармливать двух для меня своей грудью». Зальется бедняга горячими, да и пойдет в холодную избу – за пустую чашку. Не то еще бьют, да и плакать не велят. Коротко сказать, Бруно в угнетенье не отставал от своих сотоварищей, за исключением только члена: «Не пожелай... осла ближнего твоего», затем, что полезных этих животных тогда в Эстляндии не водилось. Однако ж и на него находили часы, не скажу Божьего страха, но человеческой робости. Буйно было прошедшее, а что впереди – весьма не утешно; как ни любил он шум и разбой – а все-таки скука садилась с ним в седло и на стул незваная; и как бес в рукомоинике – выглядывала с доньшка стакана. Лишь за невидаль мог он выжать смех из сердца, потому что смех дается только добрым людям. Вот уже стукнуло нашему барону и за сорок, а с сединой в бороду – черт в ребро. Раз, когда беседовал он очень дружески с стопой своей и допытывался от ней ума, вскинулась ему блажная мысль в голову: женись, барон, авось это порассеет тебя; притом же наследники... ведь попытка не пытка. За невестами дело не станет... да кстати, чем далеко искать – лучше взять готовую невесту моего племянника; она не бедна и сумеет хозяйничать, как и всякая другая. Правда, может, она меня не zalюбит, да кто об этом беспокоится. Какое мне дело, любят ли меня рыбы или нет – да я люблю их есть. А племянник не велика птица в перьях... пускай порастет до свадьбы! Надобно вам сказать, что племянник этот был сын его двоюродного брата, какого-то вестфальского рыцаря. Покойник был не беден золотом... кажись, не умом, потому что поручил сына и имение в опеку Бруно. Грех сказать, впрочем, что Бруно расправлялся с деньгами племянника не как с собственными своими, зато самого Регинальда помывал вовсе не по – родственному и учил именно тому, чего знать бы не должно. Одни добрые наклонности спасли мальчика от дурных примеров дяди, или лучше сказать, что железная лапа дяди и гнусность примера именно сделали его лучшим, потому что показали, как на ладони, все черные стороны злого человека и все выгоды быть добрым. Молодец он был статный и красивый, ну вот и приглянись ему дочь одного барона, по имени, дай Бог памяти, – кажется, Луиза. Девушка она была пышная, как маков цвет, а белизной чище первого снегу, даром что не мылась биркезом и не носила ночью помадных перчаток, как здешние фрейлины... Сердце сердцу весть подает... они слюбились. Партия была хоть куды... и Бруно не прочь – и отцы согласны, как вдруг эта беда коршуном налетела... Вздумано и сделано. Барон не любил переспросов, и кто не хотел лететь в окно, тот не совался ему противоречить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.